

0721779-1

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

СУРНИК Анна Петровна

**СИНТАКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
«ЖУРНАЛА ПУТЕШЕСТВИЯ» Н. П. РЕЗАНОВА
(в свете развития предпушкинской прозы)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2001

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Г. Н. Акимова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор И. П. Лысакова
кандидат филологических наук
Е. В. Маркасова

Ведущая организация: Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук

Защита состоится «27» июня 2001 г. в 14⁰⁰ часов на заседании Диссертационного совета Д 212.232.18 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11, филологический факультет СПбГУ, ауд. 195

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан «15» мая 2001 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КФУ

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

С. А. Аверина

Реферируемая работа посвящена описанию синтаксико-стилистических особенностей «Журнала путешествия» Н. П. Резанова в свете развития основных тенденций предпушкинской прозы.

Анализ языка и стиля «путешествий» предпушкинского периода традиционно проводится на материале произведений ведущих прозаиков конца XVIII – начала XIX веков, к которым принято относить Д. И. Фонвизина («Письма из Франции»), А. Н. Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву»), Н. М. Карамзина («Письма русского путешественника»). Но, кроме перечисленных писателей, существовали и другие, которые были менее значимы по их вкладу в литературный процесс, но язык их «путешествий» представляет большой интерес для лингвистов. К таким авторам можно отнести Николая Петровича Резанова (1764–1807), государственного деятеля, руководителя первой русской кругосветной экспедиции, почетного члена Петербургской Академии наук. Творчество Н. П. Резанова мало кому известно в наши дни, но в середине XIX века его имя можно было встретить в «Словаре русских светских писателей» (Евгений [Болховитинов] 1845). До сих пор текст основного произведения Н. П. Резанова, «Журнал путешествия», не являлся объектом внимания ученых, так как публикация всей рукописи была произведена недавно, через 190 лет после написания.

Годы создания «Журнала путешествия», 1803–1805, входят в период, который принято называть предпушкинским (А. И. Горшков 1982), следовательно, текст «путешествия» Н. П. Резанова рассматривается в свете развития основных тенденций предпушкинской прозы.

Для характеристики стиля наиболее показательны две стороны языковой системы: лексика и синтаксис. В работе приоритет отдается синтаксическому уровню текста. Особое внимание к синтаксису «Журнала путешествия» Н. П. Резанова обусловлено тем, что на рубеже XVIII – XIX столетий происходит коренная ломка синтаксической системы русского литературного языка, вызванная изменениями, происходившими в принципах словорасположения.

Рассмотрение лексического уровня «Журнала путешествия» предопределено общеизвестным фактом: ядром стилистической системы, как XVIII века, так и современной, является лексика, поэтому оставить без какого-либо внимания лексический уровень «Журнала путешествия» не представляется возможным. Мы также будем исходить из того, что лексический уровень текста базируется на лексико-стилистическом и образно-лексическом аспектах. Анализ языкового материала позволит определить главенствующий из аспектов в каждом стилистическом плане «Журнала путешествия».

При анализе лексических единиц текста Н. П. Резанова нами брались во внимание следующие лексикографические источники: А. Я. Глотов 1994; П. А. Гришук 1985–1987; В. И. Даль 1912–1914; Н. Н. Исанин 1986; К. И. Самойлов 1939–1941; САР 1789–1794; В. Н. Чернавин 1990; А. С. Шишков 1832–1840 и др. Преобладающее количество специальных военно-морских словарей и справочников обусловлено тем, что текст «Журнала путешествия», написанный во время кругосветного плавания, насыщен военно-морской терминологией. Иностранные лексикографические источники (Brockhaus 1953–1958; Larousse 1865–1890; Paasch 1885; 1890; Roding 1794–1798; Vial du Clairbois 1793) привлекались для отражения терминологических систем различных отраслей знаний, представленных в тексте Н. П. Резанова лексикой иноязычного происхождения.

Анализируя синтаксический уровень «Журнала путешествия», мы отдаем предпочтение следующим языковым чертам, которым свойственно стилистическое значение: 1) порядку слов; 2) средствам связи как самих предложений, так и их частей; 3) экспрессивным синтаксическим явлениям. Отметим также, что синтаксический уровень текста включает в себя функционально-стилистический, экспрессивно-стилистический и структурно-ритмический аспекты. При анализе текста Н. П. Резанова предполагается определение ведущего из этих аспектов в каждом стилистическом плане журнала.

Порядок слов всегда привлекал внимание исследователей. Во-первых, история формирования литературных норм в области словорасположения показательна для характеристики процесса образования единого общелитературного русского языка. Во-вторых, порядок слов – богатый источник стилистической синонимки.

Так, например, большое количество работ посвящено изучению порядка слов в историческом аспекте (И. И. Ковтунова; В. В. Колесов; А. С. Мельничук; О. Б. Сиротинина и др.). Отдельные параграфы, раскрывающие своеобразие порядка слов в произведениях Н. М. Карамзина, представлены в многочисленных монографиях Л. А. Булаховского; В. В. Виноградова; А. Н. Кожина; В. Д. Левина; Н. А. Мещерского. Ряд исследователей затрагивают различные аспекты при описании порядка слов в атрибутивных словосочетаниях (О. А. Лаптева; Ф. Ф. Нехайчик; В. И. Остапенко; Г. Г. Полищук). Изучением коммуникативно-стилистических функций словоупотребления на материале немецкого и латинского языков занимались А. Г. Алиева; Т. К. Демидова; Л. С. Иванова. Синтаксическая изобразительность словорасположения раскрывается в диссертационных работах Е. В. Маркасовой; А. П. Сковородникова; А. Ю. Шиланко и др.

Несомненный интерес в стилистическом ракурсе представляют так называемые средства связи между самостоятельными предложениями и частями, которые приво-

дят к определенной логичности текста и являются характерными прежде всего для языка науки. В нашей работе рассматриваются случаи, когда наблюдаются наиболее тесные связи, выражающиеся указательными местоимениями с повторяющимися существительными или без них, а также личными местоимениями. Заслуживают внимания выводы М. Н. Кожиной, М. П. Котуровой, занимающихся изучением данного вопроса, которые подчеркивают логичность между самостоятельными предложениями в научных текстах XVIII – XIX веков видят в специализированных в этой функции вводных словах и словосочетаниях.

При характеристике стилистических ресурсов языка обязательно учитывается экспрессивная окраска, связанная с выразительностью и эмоциональным характером соответствующих языковых средств (Д. Э. Розенталь). Общеизвестно, что экспрессивные синтаксические средства активно используются в текстах, направленных на разъяснение какой-либо мысли или события и, как правило, представлены в языке публицистики. Поскольку для языка публицистики характерна функция воздействия на читателя, то это влечет за собой употребление элементов ораторского синтаксиса, которые придают тексту некоторую патетичность, способствуют его эмоционально-экспрессивному насыщению. В работе рассматриваются некоторые экспрессивные синтаксические средства, представленные в «Журнале путешествия» Н. П. Резанова.

Описанию приемов и средств изобразительного синтаксиса отводится наибольшее количество страниц в грамматиках и риториках XVIII – XIX веков (И. М. Борн 1808; А. С. Никольский 1807; В. С. Подшивалов 1796; И. С. Рижский 1796). В последние десятилетия описанием различных приемов и средств синтаксической изобразительности занимаются Г. Н. Акимова, Е. А. Иванчикова, А. Ю. Шиленко и др. Авторы едины в признании того факта, что ряд риторических приемов и фигур имеет ярко выраженную стилевую направленность. Выразительность языка публицистики может быть усилена за счет стилистической конвергенции (И. В. Арнольд; М. Riffaterre), когда взаимодействуют несколько риторических приемов и фигур, объединенных общей задачей: эмоционально-экспрессивное насыщение речи. В свое время на это явление обратил внимание М. В. Ломоносов, проводя разграничение между «соединением фигур» и «смешением фигур», что соответствует рассредоточенной и сосредоточенной конвергенции (А. П. Сковородников).

Надо отметить, что в качестве средств языковой экспрессии могут быть представлены дополнительные приемы изобразительного синтаксиса: ритмико-мелодическая организация фразы, интонационный рисунок текста. В работах И. И. Ковтуновой, О. А. Лаптевой, О. Б. Сиротининой, Н. В. Черемисиной и др. установлена различная степень ритмичности

художественно-прозаических текстов сравнительно с нехудожественными: научной прозой, публицистикой.

АКТУАЛЬНОСТЬ исследования: Во-первых, как отмечал В. В. Виноградов, «изучение сочинений Фонвизина, Новикова, Державина, Радищева, Крылова, а также *других писателей* (курсив наш – А. С.) последней четверти XVIII в. и первых десятилетий XIX в. чрезвычайно важно для всесторонней характеристики процессов формирования единой системы русского литературного языка и новой его стилистики». Во-вторых, крайне мало специальных исследований посвящено анализу языка и стиля отдельно взятого произведения, написанного в жанре научно-популярного «путешествия», каким является текст «Журнала путешествия» Н. П. Резанова. Между тем, записки государственных деятелей, ученых-путешественников конца XVIII – начала XIX веков занимают важное место не только в истории русской культуры и научной мысли, но и в истории русского литературного языка. В-третьих, в настоящей диссертации предпринимается попытка комплексного описания языковых средств, представленных в различных стилистических планах «Журнала путешествия» Н. П. Резанова. При этом предполагается выявление стилеобразующих, то есть наиболее стилистически значимых синтаксических единиц, которые составляют специфику и основу каждого стилистического плана «Журнала», сущностные черты его стилистической структуры. Все перечисленное делает изучение языка и стиля научно-популярного «путешествия» Н. П. Резанова весьма актуальным.

ЦЕЛЮ настоящей диссертации является анализ синтаксико-стилистических особенностей «Журнала путешествия» Н. П. Резанова в свете развития основных тенденций предпушкинской прозы.

Цель работы определила следующие **ЗАДАЧИ**:

1. Определить место, занимаемое «Журналом путешествия» Н. П. Резанова в системе жанра путешествия в предпушкинский период (конец XVIII – начало XIX веков).
2. Охарактеризовать стилистическую разноплановость «Журнала путешествия».
3. Описать основные стилистически маркированные синтаксические средства языка, которые формируют каждый из стилистических планов «Журнала путешествия», по возможности рассмотреть эти синтаксические единицы не изолированно, а в системных связях и отношениях с другими единицами языка. Выявить специфику употребления маркированной лексики в различных стилистических планах текста.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА исследования обусловлена прежде всего тем, что впервые в научный оборот вводится текст «Журнала путешествия» Н. П. Резанова, написанный в 1803–1805 гг. (подготовку к печати и публикацию текста «Журнала путешествия» осуще-

ствила автор диссертационного исследования в 1995 г.). «Журнал путешествия» является ценным источником для изучения русского литературного языка, также он весьма интересен в историко-культурном плане.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ работы заключается в исследовании ранее неизвестного языкового материала, с введением которого в научный оборот могут быть подтверждены основные положения, рассматриваемые в теоретических дискуссиях по вопросу о так называемом «новом слоге», активная роль в становлении которого принадлежит Н. М. Карамзину. Результаты работы, ее положения и выводы могут быть использованы в преподавании общих и специальных курсов по синтаксису и стилистике русского литературного языка. Приложения могут быть использованы в лексико-графической практике.

МАТЕРИАЛОМ для исследования послужил текст «Журнала путешествия» Н. П. Резанова. Примеры, отобранные методом сплошной выборки, в общем объеме составляют 5000 единиц.

Основным **МЕТОДОМ** исследования является описательный, также применяется метод статистического анализа.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ОСНОВОЙ исследования послужили как классические труды русских лингвистов XIX – XX вв.: В. В. Виноградова, Н. И. Греча, Я. К. Грота, И. И. Давыдова, так и работы современных исследователей Г. Н. Акимовой, Е. Г. Ковалевской, И. И. Ковтуновой, О. Б. Сиротининой и др. При определении места, занимаемого «Журналом путешествия» Н. П. Резанова в жанровой системе конца XVIII – начала XIX веков, акцент делается на общетеоретические положения, выдвинутые литературоведами П. Н. Берковым, Г. А. Гуковским, Д. С. Лихачевым, Ю. М. Лотманом, Г. П. Макогоненко, Ю. Н. Тыняновым, и частные вопросы, разработанные Е. С. Ивашиной, Н. Н. Петруниной, Е. Г. Проценко. При сравнительном анализе текстов Н. М. Карамзина и Н. П. Резанова были взяты во внимание работы А. И. Горшкова.

АПРОБАЦИЯ. Основные положения и результаты исследования были изложены в докладах, сделанных на заседаниях аспирантского семинара под руководством профессора Г. Н. Акимовой, на республиканской научной конференции «Россия в XVIII веке» (СПб. 1996), на юбилейной международной научно-практической конференции «Языковое и литературное образование в школе и в вузе» (СПб. 1997), на XXX Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов СПбГУ (СПб. 2001). Кроме этого, материалы исследования отражены в четырех публикациях.

СТРУКТУРА РАБОТЫ. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка использованной литературы и приложений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, ее научная новизна, формулируются цели и задачи работы, определяется ее теоретическая и практическая значимость, характеризуется материал и методика его анализа, раскрываются теоретические основы исследования.

В первой главе «Преобразование русского литературного языка, литературных направлений и жанров в предпушкинский период (конец XVIII – начало XIX вв.)» рассматриваются основные процессы, протекавшие в русском литературном языке на рубеже столетий, определяется место, занимаемое «Журналом путешествия» Н. П. Резанова в жанровой системе путешествия.

«Журнал путешествия» Н. П. Резанова создавался в первые годы XIX столетия, в период коренных изменений в политической, социальной, культурной жизни России. Преобразования затронули не только общественную сферу, но и литературный язык. К концу XVIII века происходит укрепление позиций так называемого «среднего стиля» или «среднего слога», то есть на арену выходит язык, приемлемый для разнообразных литературных жанров, единый для книг и общения. Образование единого национально-литературного языка привело к упорядочению в области синтаксиса: установлению прямого порядка слов, сокращению объема предложений и периодов. Основная роль в реформировании русской фразы, в становлении норм русского литературного языка в предпушкинский период принадлежит Н. М. Карамзину, поэтому вполне очевидно, что на слог «Журнала путешествия» Резанова большое влияние оказали произведения Н. М. Карамзина, в том числе «Письма русского путешественника» (Н. П. Резанов: *«вспомнил я 2-на Карамзина и пороптал на судьбу, для чего она и меня для изображения моего путешествия таким волшебным пером не одарила»*). Но цели и задачи этих путешествий были различны, что обусловило принадлежность данных текстов к разным типам жанра путешествия, а следовательно, наложило определенный отпечаток на слог «путешествий».

Принципы реформированного карамзинского синтаксиса впоследствии неоднократно разъяснялись в трудах по риторике и грамматике. Но наиболее полно они представлены в работе И. И. Давыдова «Опыт о порядке слов» (1816–1819), где основополагающим является правило, свойственное карамзинистам: писать логично и ясно, «как говорят» и, соот-

ветственно, «начинать с главного понятия».

Особенностью предпушкинского периода является одновременное формирование ряда литературных направлений (М. В. Иванов, Е. Н. Купреянова и др.), генезис которых приводит к существенному изменению в системе жанров: на передовые позиции выходит «путешествие» (В. М. Гуминский, Е. С. Ивашина, Н. Н. Шоков).

Тексты «путешествий», как научных, так и литературных, всегда привлекали внимание исследователей, так как жанр путешествия, являясь одним из старейших, дает богатый материал для различных областей знаний: географии, истории, этнографии, естествознания, а также языкознания.

«Журнал путешествия» Н. П. Резанова можно отнести к группе научно-популярных «путешествий» конца XVIII – начала XIX веков, которую составили записки морских экспедиций (как правило, военных), предпринимавшихся российскими мореплавателями с целью новых исследований и открытий. В эту группу источников входят тексты «путешествий» Г. И. Давыдова, В. М. Головнина, П. И. Рикорда и других русских офицеров, сюда же относятся тексты «путешествий» И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, участников первой русской кругосветной экспедиции, капитанов «Надежды» и «Невы» (И. М. Мальцева). Необходимо и уместно включить в эту группу и «Журнал путешествия» Н. П. Резанова, начальника первого русского кругосветного плавания 1803–1806 годов.

Автору диссертационного исследования представляется возможным причисление рассматриваемого «путешествия» к разряду научно-популярных, потому что «Журнал путешествия» создавался во время кругосветного плавания, одной из главных задач которого было *«изучение и описание произведений всех трех царств природы»*. Хотя «изучение и описание» не входило в прямые обязанности руководителя экспедиции, так как для этих целей рядом с ним находились ученые, сведущие в различных областях знаний, но высочайшая инструкция, данная Н. П. Резанову, гласила: *«Составьте краткий плаванью Вашему в море и пребыванию в Японии журнал... Не оставьте Вы без замечания нравы жителей, физические свойства их, художества, богослужение, обычаи, предания, правила и самый образ их обхождения... Не оставьте особливим вниманием Вашим всевозможную точность в метеорологических наблюдениях, также в описании северных сияний и прочих примечания достойных явлений природы. Усовершенствуйте журнал Ваши астрономическими наблюдениями...»*.

Жанр научного путешествия на рубеже XVIII – XIX столетий предполагает стилистическую многоплановость повествования, которая связана со специфическими жанровыми функциями, что отражено в следующей главе диссертации.

Во второй главе «Стилистическое своеобразие и синтаксические особенности «Журнала путешествия» Н. П. Резанова» исследуется стилистическая разноплановость текста Н. П. Резанова, выявляются стилеобразующие синтаксические единицы, которые формируют каждый стилистический план «Журнала путешествия». Выявляется специфика употребления маркированной лексики в различных стилистических планах текста.

Распад системы трех стилей и формирование функционально-речевых стилей в конце XVIII – начале XIX веков сделали возможным выражение индивидуального в повествовании, то есть авторский стиль писателей становится основным фактором развития русского литературного языка. «Журнал путешествия» Н. П. Резанова – пример такого индивидуально-авторского стиля, где самой примечательной чертой является сложный и глубокий синтез трех стилистических планов: научного, публицистического и литературно-художественного. Стилистическая многоплановость повествования обусловлена функциями, заключенными в жанре «ученого путешествия». Первая функция – передача информации, полученной путешественником во время экспедиции; вторая – популяризация научных знаний среди широкого круга образованной читающей публики; третья – воздействие не только на ум, но и на душу читателей путем убеждения, описания. Перечисленные функции часто переплетаются, например, в публицистическом плане «путешествия» может наблюдаться синтез нескольких функций: к функции коммуникативно-информативной примешивается функция воздействия на читателя.

Полифункциональность жанра путешествия предопределила использование нескольких разновидностей литературного языка конца XVIII – начала XIX веков. Язык науки характеризуется точностью, строгостью, логичностью, отсутствием эмоциональности и используется при объяснении тех или иных природных явлений, при обосновании выводов, идей. Языку публицистики свойственны экспрессивность, эмоциональность, наличие авторского отношения к изображаемому, как правило, он используется при описании различных социальных аспектов. Язык художественной литературы, который характеризуется образностью, выразительностью, наличием индивидуально-авторского начала повествования, применяется автором-путешественником в лирических отступлениях, связанных с воспоминаниями о событиях, дорогих сердцу автора.

Так, научный план «Журнала путешествия» Н. П. Резанова представлен описанием ландшафтов, редких растений, животных, рыб, различных минералов, ремесел, инструментов, необычных природных явлений, то есть изображением тех предметов, которые вызывают определенный научный интерес, расширяют ту или иную область знаний:

Вечеру в 7 1/2 часа увидели мы к северу весьма удивительное явление. Оно

представляло радугу, в лучах своих теряющуюся. Свет ее был бледный, и вся фигура сия, перемежая положение свое, возвышалась к зениту. В 11 часов явление сие начало исчезать.

В публицистическом плане «Журнала путешествия» Н. П. Резанов выступает как яркий публицист, патриот, убежденный сторонник «превосходства наших нравов над иноземными». На страницах дневника Н. П. Резанов предстает перед читателем в двух ипостасях: государственного деятеля, дипломата, «чрезвычайного посланника ко двору японскому», и светского лица, наблюдательного путешественника. Он рассказывает о политической жизни посещаемых государств: устройстве парламента и судебной системы, особенностях вероисповедания и конституционном строе; о социально-культурной жизни: памятниках архитектуры и музеях, театрах и увеселительных заведениях, госпиталях и целебных минеральных источниках, банках и биржах; его интересует и экономическая жизнь: процветание или бедность народонаселения. Не остается он равнодушным к несправедливым, унижающим человеческое достоинство законам и обычаям. С разоблачительным пафосом автор «путешествия» изображает находящуюся в Лондоне Невгатскую тюрьму:

Возвращаясь в город, остановились мы у тюрьмы Невгатской. Мрачная наружность ее предвещает о предмете построения. Несколько шиллингов, как и всюду, доставили нам вход, мы нашли в ней разные отделения, одни заключали преступников, а другие – преступниц, к отправлению в Батанибей назначенных. Мы видели мальчиков от 10 до 14 лет, приличившихся в воровстве и к той же участи осужденных. Кажется, действие законов превзошло здесь меру преступлений и незрелость ума потеряна из виду.

Третий стилистический план, литературно-художественный, представлен рассказами о дорожных происшествиях, лирическими отступлениями, воспоминаниями о событиях, случившихся с автором до отправления в кругосветное плавание. В этом плане, как ни в каком другом, ощущается влияние традиции, созданной Н. М. Карамзиным, которая характеризовалась устойчивым синтезом объективно-информативного и субъективно-лирического начал в структуре «путешествия»:

Почтение мое к делам Шелихова, которого лично знать не имел я до того случая, заставило меня искать сей лестной для меня экспедиции. Наконец она удалась, и я отправился в Иркутск с повелениями и духовною миссиею. Прибыв туда, летел к почитаемому мною мужу; я был обласкан им, и наконец достоинства старшей дочери его привлекли еще более меня к его дому. Взаимные

наши склонности были родителями благосклонно приняты; я получил руку ее, и восемь лет супружества нашего дали мне вкусить все счастье жизни сей как бы для того, чтобы потерю ее отравить наконец весь остаток дней моих. Я пролил здесь слезу из глубины сердца; но да не аменится она мне в малодушие! Признаюсь, что столь же приятно для меня платить дань сей чувствительности, сколь священно для блага общего побеждать связи природы.

Три стилистических плана – научный, публицистический и литературно-художественный – плавно сливаются под пером Н. П. Резанова в один литературный стиль, стиль «Журнала путешествия».

Общезвестно, что разные формы отражения действительности находят свое выражение в использовании различных языковых средств. Текст «Журнала путешествия» Н. П. Резанова красноречиво свидетельствует о том, что можно говорить о специфических, присущих лишь определенным стилистическим планам, языковых средствах. Одни из стилистических явлений постоянны, наличествуют всегда в том или ином стилистическом плане «путешествия», другие могут присутствовать или не присутствовать в нем, во всяком случае, не проявляться явно. Так, можно выделить наиболее значимые, глубинные, стилистические элементы, которые составляют специфику и основу каждого из трех стилистических планов «Журнала путешествия».

Стилеобразующими языковыми элементами научного плана «Журнала путешествия» на лексическом уровне являются 1) специальная лексика, отражающая терминологические системы различных отраслей знаний; 2) отвлеченная лексика, которой пользуется Н. П. Резанов при обосновании различных объяснений, а также 3) эмоционально-оценочные слова.

1. Научный язык «Журнала путешествия» отличается специальным набором лексики, которая отражает терминологические системы различных отраслей знаний: биологии, ботаники, истории, географии, мореходства и т. п. В тексте журнала терминология представлена, как правило, заимствованиями. Превалирующая группа заимствованных слов относится к науке «управлять парусами», к морской терминологии: *брандвахта, дек, марсельный ветер, обсервация, брам-стенга, бушприт, грот, красницы* и др. Автор предстает перед читателем не только как государственный чиновник, дипломат, но и как знаток морского дела:

19 числа поутру ветер начал опять свежеть и, наконец, сделался самый крепкий, рифмарсельный; барометр понижался удивительным образом. В полдень закрепили мы все паруса и поставили стакселя, в час – жестокий

шторм, но барометр, понижаясь, предвещал еще сильнее. В половине четвертого часа порвало у анселей все шкоты и фалы. В 4 часа несло уже нас без всех парусов к берегу, ветер с такою жестокостью свирепствовал, что уже волн не видно было, а одна пыль водяная, в которой грот-мачту видеть не позволяло. С правой стороны оторвало запасной грот-рей и унесло в море, закреплённую контр-бизань в куски изорвало, на шкатунке все обломало, паруса и прочее под корабль подтащило, словом, не было никакой надежды к спасению, вихрь продолжался неослабно и с такою силой, что у рундука привязанный большой сундук с ружьями и саблями оторвало и, несмотря на тяжесть, по шканцам бросало.

В тексте «Журнала путешествия» представлены примеры иноязычных наименований научных приборов, служащих для проведения во время путешествия астрономических, физических, химических, метеорологических и других опытов – *барометр, инклинатор, реомюров термометр, секстант, эфемериды, filtre-marin*.

Процентное соотношение терминологических систем научной лексики в «Журнале путешествия» Н. П. Резанова представлено следующим образом: из 181 лексической единицы (л. е.) к морской терминологии относится 113 л. е., что составляет 62,44%; названия научных приборов представлены 6 л. е. или 3,31%; отвлеченная лексика научного плана – 6 л. е. или 3,31%; географическая терминология – 19 л. е. или 10,50%; естественная (биологическая) – 12 л. е. или 6,63%; культурно-историческая – 25 л. е. или 13,81%.

2. Кроме терминов научный план «Журнала путешествия» включает в себя отвлеченную лексику, которой пользуется Н. П. Резанов при обосновании различных объяснений, идей, при описании тех или иных природных явлений, например, *фактор, опробование, подтверждение, постановление, свидетельство, элемент*. Использование отвлеченной лексики так же, как и терминов, отражает специфику научного стиля, стремящегося к обобщенно-отвлеченной манере изложения.

3. В научном языке конца XVIII – начала XIX ввек чрезвычайно интенсивно использовались эмоционально-оценочные слова. Это связано с авторским «я», с повествованием от первого лица, которое потенциально таит в себе больше возможностей для субъективных оценок. О возможности сосуществования эмоционального и логического в научной литературе XIX века говорит ряд исследователей (Н. М. Разинкина; О. А. Швецова и др.), указывая, что научное творчество тоже в какой-то мере прибегает к аффективному плану выражения мысли, так как эмоциональная «заряженность» способствует усилению, подтверждению объективно-логической меры оценки. Проявление индивидуального, оце-

ночного в научном изложении было допустимо, но оно не являлось органическим качеством стиля. Элементы индивидуального вкрапливались в научное изложение, делая его ярче и выразительнее. В научных частях «Журнала путешествия» можно встретить такие эмоционально окрашенные вкрапления, которые, как правило, встречаются при изображении каких-либо животных, рыб, предметов или явлений:

Сего числа принесли премудреную рыбу длиною в аршин, рыло, как у дракона; называется здесь джано. Она в истории Естественной еще неизвестна и составляет новую породу. По сказкам японцев, бывает она столь велика, что сжирает человека. Ловится она у островов Готских и попадает лишь тогда, когда не достигла она роста своего.

Во втором томе «Словаря Академии Российской» (САР): «Сжираю, сжираешь, сожрал, сожру, сжирать, сожрать – гл. в простореч. Съедаю. Свиньи сжирают помногу в день. Утки сожрали много корму.» (САР. 1790. 1194 стлб.).

Таким образом, лексический уровень научных частей «Журнала путешествия» Н. П. Резанова представлен двумя связанными между собой аспектами: лексико-стилистическим (1 и 2 пункты) и образно-лексическим (3 пункт). Несомненно, ведущие позиции занимает лексико-стилистический аспект, а образно-лексический играет второстепенную роль.

Стилеобразующими синтаксическими средствами научных частей «Журнала путешествия» являются

1) старотрадиционное словорасположение:

А) постановка причастия в конце причастных групп за словами определяемыми и глагола в конце предложения (все приглагольные члены выстраиваются перед глаголом):

По мере открытия россиянами Алеутских, Андреяновских, Лисьих и прочих островов в Северо-Западной Америке и Курильских, к Японии простирающихся, распространялись звериные промыслы, усиливалась мена с китайцами, и когда в Сибири разного рода добываемые звери от умножения звероловов приметно уменьшались и едва могли удовлетворять внутреннее в России оных употребление, то морские промыслы, недостаток сей инаполняющие, сделались уже совершенно необходимыми, и тогда-то знаменитое купечество не только всей Сибири, но и великороссийских северных городов, с Китаем торги ведущее, жертвовало иждивением к поощрению морских промыслов, только для них нужных. В 1782 году было уже более 25 судов, в промыслах упражнявшихся.

Таково было в марте месяце 1803 года положение сей экспедиции, одно торговое производство целью имеющей; но пред самым почти отправлением ее она уже иной вид восприяла.

Сравним, например, постановку причастия в причастном обороте в публицистической части текста «Журнала путешествия»:

Наконец, достигли мы обиталища дикого сего властелина. Он встретил нас и повел в дом свой, окруженный кокосовыми, хлебными и платановыми деревьями. Жилище его состояло из длинной, саженой в десять, хижины, составленной из толстого бамбука. В ней сидела жена его и другие женщины, принадлежавшие к его семейству; они были все нагие и покрыты только из древесной коры желтою тканью, получившею цвет сей от кокосового масла, коим они мажутся и которое нестерпимо тяжелый запах издавало. Ширина сей галереи их была близ двух сажен, в середине было весьма чисто, пол покрыт цинковками, и всю мебель составляли несколько висящих сосудов с крышками, сделанными из больших кокосов и рода тыкв. Женщины посадили нас между собою, и когда, поотдохнув, собрались мы их оставить, то король просил нас в другую, подобную первой, хижину, называемую Табу, куда никто из женщин входа не имеет.

Как указывает И. И. Ковтунова, в XVIII веке препозиция зависимых слов в глагольных словосочетаниях преобладала над постпозицией. Такое словорасположение восходило к разным источникам и являлось как наследством церковнославянской традиции, где зависимые от глагола члены пользовались свободой расположения, так и следствием латинского влияния, когда по правилам грамматики глагол ставился в конце предложения, а приглагольные члены, соответственно, располагались перед ним. Исследуя зависимость объема причастных конструкций от места, занимаемого причастием в обороте, З. И. Рудакова отмечает, что к концу XVIII века наблюдается тяготение к контактному расположению причастия и определяемого слова, к прямому порядку слов в причастной группе, к стилистически маркированному употреблению конструкций с причастием на последнем месте в обороте. Это наблюдение З. И. Рудаковой подтверждается материалом нашего исследования. Как правило, контактное расположение причастия и определяемого слова, а также прямой порядок слов в причастной группе характерны не для научного, а для публицистического и художественного планов «Журнала путешествия» Н. П. Резанова.

Б) постановка управляемых и примыкающих членов перед управляющими:

Они занимались ландкартами и видами, изъявляли желание свое поучиться географии и оказывали крайнее в познании других народов любопытство.

Открытие российской в Восточном океане торговли со времен Петра Великого было всегдашним предметом попечения российских государей.

В риториках конца XVIII века правилами закреплен прямой порядок слов, то есть словорасположение соответствует «течению мысли», и «современные прозаические писатели каждое слово полагают тотчас за тем, от которого оно по связи мыслей и по правилам грамматики зависит» (И. С. Рижский 1796). В приведенных примерах наблюдается нарушение линейной последовательности частей предложения, она обратна направлению синтаксико-смысловой зависимости, то есть синтаксическое и семантическое ядро словосочетания находится после всех зависимых слов.

Данные конструкции (А, Б) – принадлежность преимущественно книжной речи, появившись под влиянием латинского синтаксиса, в XVIII веке они являлись необходимой принадлежностью красноречия, но с течением времени утратили свой высокий ореол.

2) Научный язык отличается стремлением к точности выражения и логичности, что достигается так называемыми средствами связи между самостоятельными предложениями и между их частями:

А) при помощи указательных местоимений с повторяющимися существительными или без них; а также личными местоимениями:

Вчера держали мы курс WZW, но сего дня, пролежав ночь в дрейфе, держали прямо W, чтоб удостовериться о существовании островов, в числе десяти в сих местах на карте Тулея означенных. Сей редкий из диких мореходов был уроженец острова Улитея, одного из островов Общества. Он плывал в байдарках, удаляясь миль на 300 и 400, полагал свои замечания по одним восходам и закатам солнца, а исчисления по числу дней пути своего.

Рассматривая синтаксис связного текста, М. И. Откупщикова отмечает, что данное замещение приводит к сокращению структуры связного текста, при котором смысл какого-либо отрезка текста повторяется в сокращенном виде, при этом заместитель передает повторяющийся смысл, гораздо более широкий по объему, чем та синтаксическая группа, опорное слово которой непосредственно коррелирует с заместителем.

Надо отметить, что подобные средства связи, выраженные указательными местоимениями с повторяющимися существительными или без них, а также личными местоимениями, характерны не только для научного плана «Журнала путешествия», но представлены и в публицистических, и в литературно-художественных частях текста «путеше-

ствия»).

Б) с помощью вводных слов (различных значений) и словосочетаний:

Главные выгоды инструмента, что он без струн и, следовательно, никогда расстроиться не может.

15 числа поутру в 6 1/2 часов термометр показал 1 градус теплоты, но крыши были покрыты шеем, и, чаятельно, ночью мороз был.

Таким образом, синтаксический уровень текста, включающий в себя функционально-стилистический, экспрессивно-стилистический и структурно-ритмический аспекты, в научных частях «Журнала путешествия» представлен первым из них, два последующих (экспрессивно-стилистический и структурно-ритмический) приглушены, проявлены не так отчетливо.

Стилеобразующими языковыми элементами публицистического плана «Журнала путешествия» Н. П. Резанова на синтаксическом уровне являются:

1) различные экспрессивные приемы и средства русского литературного языка (сюда входят разнообразные стилистические приемы и фигуры: *анафора, антитеза, антономасия, вопросо-ответное единство, градация, шиверсия, перифраза, риторический вопрос, риторическое восклицание, синекдоха, хиазм* и др.), которые способствуют эмоционально-экспрессивному насыщению текста:

Августа 2-го числа проходили мы остров Гогланд в столь близком расстоянии, что видны нам были церкви, селения и господские дома, окруженные пашнями и лугами, ветер нам благоприятствовал, день был прекрасный, словом, мы начали ощущать удовольствие, как вдруг омрачилось оно несчастливый на «Неве» случай: матрос нечаянно упал в воду, и хотя к спасению его бот тотчас же спущен был, но не успели подать ему помощи. Вот первая дань наша морю, дай Бог, чтоб она была последнею! – перифраза (замена какого-либо слова или словосочетания описательным оборотом речи, в котором указаны признаки неназванного прямо предмета); риторическое восклицание.

Избыточность экспрессивных приемов и средств в публицистических частях «путешествия» приводит к образованию стилистической конвергенции, как сосредоточенной, в границах одного предложения, так и рассредоточенной, охватывающей несколько коммуникативных единиц:

Лондонский полицейский чиновник 2-й Колхон в записках своих парламенту в 1797 году представил, что число распутных в столице жещици (1) прости-

ралось до 5000, животные сии (2) помогают усилиться пьянству; число кабаков исчисляет он до 5000; говорит о разврате и гибели народной (3); изъясняет, что ныне посыльщик угля вытывает уже в день от 12-ти до 16-ти кружек портера. Господин Колхон, как видно, забыл, что в Отечестве его свобода (а она так легко перерождается в самое вредное своеволие) (4).

Экспрессивным ядром данной рассредоточенной конвергенции является антитеза, на нее ложится основная эмоциональная и коммуникативная нагрузка. Так называемые второстепенные функции выполняют перечислительный ряд, дислокация (1), сравнение (2), амплификация (3), вставная конструкция (4). Причем перечислительный ряд (в границах сложноподчиненного предложения), в свою очередь, является «аккумулятором» нескольких риторических приемов и фигур (дислокации, сравнения, амплификации), объединенных общей задачей: эмоционально-экспрессивное насыщение речи. Накопление в рамках перечислительного ряда стилистических приемов, нагнетание элементов, близких по значению, служит усилению, интенсификации определенного, в данном случае, негативного признака, выражает эмоционально окрашенную реакцию автора «Журнала путешествия» на характеризуемое явление: возмущение, разоблачение пороков «свободного» общества. А бессоюзный способ соединения частей высказывания позволяет читающему воспринять и взвесить каждое сообщение в отдельности и самому установить между ними логическую взаимозависимость. Таким образом, антитеза в купе со всеми риторическими фигурами и приемами, составляющими рассредоточенную стилистическую конвергенцию, – действенный экспрессивный прием, позволяющий усилить выразительность текста, тем самым приковать внимание читателя.

Безусловно, творчество Н. П. Резанова состояло в тесной связи с творчеством Н. М. Карамзина, поэтому представляет определенный интерес сопоставление синтаксиса текстов «Журнала путешествия» и «Писем русского путешественника», как произведений наиболее близких по жанру и времени создания. Тем более, что в «путешествиях» обоих авторов встречаем описание одних и тех же городов (в основном, это страницы, посвященные изображению Англии), примечательных зданий, известных общественных деятелей, что относится к публицистическому плану.

Прежде всего обращает на себя внимание использование средств языковой экспрессии, их разнообразие и частотность употребления. Различные типы «путешествий» и, следовательно, разные принципы описания действительности предопределили употребление различных изобразительных средств: эмоционально окрашенной лексики, экспрессивных стилистических приемов, ритмико-интонационной организации фразы.

Для Н. М. Карамзина самым излюбленным стилистическим приемом является использование фигуры риторического восклицания.

Для наблюдений над частотностью употребления риторического восклицания взяты первые 50 страниц (в среднем каждая страница содержит 340 знаменательных слов) сопоставляемых произведений Н. П. Резанова и Н. М. Карамзина. Проведенные нами подсчеты дали следующий результат: в указанном отрезке «Писем русского путешественника» встречается 97 примеров употребления риторического восклицания, в «Журнале путешествия» – 4. Для примера сравним описание Сент-Джемского парка у Резанова и Карамзина:

Проходя разными улицами, пробрались мы в Сент-Джемский парк и ничего не нашли в нем, кроме неправильной фигуры луга, обрытого каналами; есть несколько аллей, но все вообще не делает приятного впечатления (Резанов).

Ср.:

Из Вестминстерского аббатства прошел я в славный Сент-Джемский парк – несколько изрядных липовых аллей, обширный луг, где ходят коровы, и более ничего! (Карамзин).

А также изображение церкви св. Павла в Лондоне:

15 числа поутру пошли мы в церковь Св. Павла, по знаменитом Римском храме славящуюся во всем свете быть первою. Здание огромно, смело, величественно, но построенными близ него домами так закрыто, что надобно почти подойти к нему, чтоб его увидеть. У наружных украшений архитектуры отнимает много виду зикоптелость их, происходящая от расстилающегося по улицам угольного дыма, но это обыкновенная участь всех в Англии строений (Резанов).

Ср.:

Здесьняя церковь Св. Павла почти столько же славна, как Римская Св. Петра, есть, конечно, вторая в свете по наружному своему великолепию; вы видали рисунки той и другой: есть сходство, но много и различия. Жаль, что она сжата со всех сторон зданиями и не имеет большой площади, на которой огромность ее показалась бы несравненно разительнее! Жаль также, что лондонский вечный дым не пощадил великолепного храма и закоптил его снизу до самого золотого шара, служащего ему короною! (Карамзин).

Автор «Писем» использует фигуру риторического восклицания при передаче как по-

ложительных, так и отрицательных эмоций. Для него характерно словесное изобилие, перенасыщенность текста эмоционально окрашенной лексикой и экспрессивными синтаксическими конструкциями.

2) Так как для публицистического плана «Журнала путешествия» характерно соединение двух начал: книжного и разговорного, то книжная сторона проявляется обилием причастных оборотов, как правило, с препозицией причастия. Разговорная сторона представлена а) короткими предложениями, причем с качественным их преобразованием, связанным с изменением лексического наполнения (разговорная, обыденная лексика), отсутствием конструкций с запутанной структурой; б) введением в канву повествования прямой речи; в) конструкциями с вопросо-ответным единством:

А) *Дождь сегодня ливля лил.*

Я удивился его решимости, ибо за все про все порют здесь брюхо.

Б) *Потом речь зашла о поклонах, чтоб я поклонился в ноги. Я засмеялся. Они смотрели с удивлением. «Нет, нет, – сказал я, – я и Богу кланяюсь не телом, а сердцем. Это прошу оставить». Они все трое ложжились на пол, показывали мне, как это легко. «Весьма легко для тех, кто к этому привык», – сказал я. – «Да вы хотя на колени встаньте и руками коснитесь полу». Я смеялся. «Да как же вы поклонитесь?» – «Как требует вежливость, – ответил я. – Впрочем, мне стыдно заниматься эдакою мелочью. Я пришел не поклонам вашим учиться, но основать дело к пользе двух империй».*

В) *Но может ли быть тут прогулка, где почти места нет пройти, трава вся была срыта и огорожено кругом высоким из бамбука тыном.*

Можно ли в сем государстве полагать твердое основание торговли, когда при самом начале все на обманах основано и цены выставляют своему товару необычайно высокие, а привозному – столько же низкие.

Таким образом, синтаксический уровень публицистических частей «путешествия» базируется на экспрессивно-стилистическом аспекте.

Стилеобразующими языковыми элементами публицистического плана «Журнала путешествия» на лексическом уровне выступают славянизмы, которые в XVIII столетии являлись ядром «высокого стиля», а в XIX веке стали выступать признаком возвышенности, патетичности речи. Определенная экспрессивность в публицистическом плане «Журнала путешествия» достигается с помощью данной лексики: славянские элементы служат для выражения гражданского пафоса, придавая синтаксическим конструкциям риторическое, торжественное, патетическое звучание. Славянский словарь публицистического плана

представлен следующими лексемами: *чадо, зрите, мзду* и др. (в САР – «славенское»).

Таким образом, в публицистическом плане журнала на лексическом уровне приоритет отдается образно-лексическому аспекту перед лексико-стилистическим.

Стилеобразующими языковыми элементами литературно-художественного плана «Журнала путешествия» на синтаксическом уровне являются, наряду с элементами, образующими публицистический план (различные экспрессивные средства), дополнительные приемы изобразительного синтаксиса: ритмико-мелодическая организация фразы, интонационный рисунок текста.

Главным средством организации ритма является порядок слов, то есть ритмико-интонационная структура текста напрямую связана с принципами словопорядка, с актуализацией. Период конца XVIII – начала XIX веков характеризуется реформированием принципов порядка слов. Из употребления уходят схемы словорасположения с «высокой» окраской, несущие печать «старого», «запутанного» слога. Продолжительное время «задержалась» постпозиция качественных и относительных прилагательных по отношению к определяемому слову, а также постпозиция местоименных атрибутов.

Отметим, что порядок слов в атрибутивных группах с прилагательными и местоимениями более привязан к литературно-художественному стилю, хотя и в публицистическом он представлен многочисленными примерами.

Нами рассмотрены случаи с качественными и относительными прилагательными, находящимися в пре-, постпозиции относительно определяемого слова, а также их дислоцированное расположение.

Языковой материал «Журнала путешествия» Н. П. Резанова показывает, что постпозиция качественных прилагательных была акцентологически не выделенной и являлась остаточным признаком словорасположения с «высокой» окраской, а дислоцированная пре-, постпозиция качественного атрибута, как правило, была акцентирована. Препозиция и постпозиция относительных прилагательных почти в равной степени были употребительны, постпозиция характеризовалась акцентологической невыделенностью.

Для доказательства акцентного равновесия относительных пре-, постпозитивов убедительны примеры вариативного расположения компонентов атрибутивного словосочетания с относительными прилагательными, принадлежащими одному семантическому кругу. В тексте «путешествия» встречаются, например, *китайский корабль, джонка китайская и китайское судно*:

Потом спросил я их, на чей счет китайский корабль.

Еще сегодня пришла джонка китайская.

...и наконец сказали, что не вводили за Папенберг для того, что стояли тут китайские суда, с которыми не смели в одном месте с купеческими судами поставить судно великого императора.

В атрибутивных словосочетаниях, кроме контактного расположения существительного с относительным прилагательным, также наблюдается дистантное, когда, например, зависящие от имени существительного формы других существительных со всеми относящимися к ним словами ставятся впереди определяемого имени и притом нередко размещаются между формой прилагательного и управляющим существительным:

Вечеру все крепости и императорские для военных служителей казармы были шлюминованы, как и караульные суда наши, что всякую ночь продолжалось.

Преимущественно данная дислокация – отголосок прежней «книжной» нормы, то есть синтаксические шаблоны и штампы «старого слога», отмеченные латинским влиянием.

Совершенно иную задачу выполняло дистантное расположение препозитивного качественного прилагательного. Этот прием использовался как средство смыслового выделения атрибута. Например:

Он опять прислал сказать, что я могу там обедать, когда хочу, я отвечал, что это влечет за собою великие в возке всего беспокойства .

Он снял с зеркал мерку и ни малейшего не показал о величине их удаления.

Вечеру был пресипраинный в городе звон и продолжался всю ночь, причиною сего было служение бонз по случаю поавальной в городе горячки.

Можно отметить, что в приведенных примерах присутствует высокая степень качества на лексическом уровне.

Таким образом, дистантное расположение синтаксически связанных членов, одним из которых является относительное прилагательное, – остаток «книжного» синтаксиса, а дистантная постпозиция качественного прилагательного – средство увеличения смыслового веса атрибута.

В тексте «Журнала путешествия» Н. П. Резанова количество качественных препозитивов и постпозитивов находится в соотношении 9:1, при явном преобладании препозиции. Примеры качественных прилагательных-постпозитивов не так частотны, как случаи постановки относительных прилагательных в постпозиции, но они тоже не связаны с выделением указанного признака, акцентированием внимания на нем. Очевидно, соблюдается одно из правил словорасположения – «вещь предшествует свойству» (И. И. Давыдов, 1819). Например:

Ночью был ветер и дождь, утром также был шторм, и шел дождь проливной.

Иначе обстоит дело с дислоцированным постпозитивным качественным прилагательным, когда между ним и именем существительным находятся другие, как правило, управляемые именем существительным, слова. В этом случае наблюдается акцентуация качественного постпозитива. Например:

Мы выехали в 10 часов, вода была низка, и мы на большое судно попасть не могли, дождь шел проливной.

Я упрекнул его, где слово его верное и можно ли в чем-нибудь на них полагаться.

Ср.:

Я благодарил его, и г-н Кольман просил убедительно принять его. <...> но по сделанному с г-ном Тилезиусом условию не мог я сего исполнить; однако ж на случай неприезда его дал ему верное слово.

Всего нами проанализировано 2957 атрибутивных словосочетаний с определением, выраженным именем прилагательным, из них относительных – 1797. В результате количественного сопоставления относительных препозитивов и постпозитивов можно сделать вывод, что обе позиции являлись почти в одинаковой степени употребительны (препозитивы составили 1063 случая от общего количества относительных прилагательных, постпозитивы – соответственно 734) и стилистически нейтральны. Но все-таки наблюдалась тенденция к их препозитивному употреблению, что было связано с реформированием синтаксической системы русского литературного языка, приближением к современной норме. Дислоцированная постановка относительных прилагательных – отголосок прежнего «старого слога» – не являлась акцентологическим признаком. Постпозиция качественных прилагательных являлась остаточным признаком словорасположения с «высокой» окраской, а дислоцированная постпозиция качественного атрибута, как правило, была акцентирована.

Наряду с прилагательными-атрибутами в «Журнале путешествия» Н. П. Резанова широко представлен языковой материал с атрибутивными словосочетаниями, где в роли определений выступают различные разряды местоимений (притяжательные, указательные, определительные).

Результаты количественного соотношения пре- и постпозитивов местоименных атрибутов в «Журнале путешествия» Н. П. Резанова позволяют сделать вывод, что постпозиция местоименных атрибутов была закреплена нормой и не являлась акцентологическим

фактором, препозитивная норма их сложилась во втором десятилетии XIX века.

Таким образом, в литературно-художественном плане журнала на синтаксическом уровне приоритет отдается двум аспектам: экспрессивно-стилистическому и структурно-ритмическому.

Следовательно, можно говорить о специфических, присущих лишь определенным стилистическим планам «Журнала путешествия» Н. П. Резанова, языковых средствах, которые составляют основу каждого стилистического плана.

Преобразования, происходившие в области синтаксиса, несомненно, нашли отражение в творчестве Н. П. Резанова, автора «Журнала путешествия». Подражая в определенной степени Н. М. Карамзину в построении фразы, Н. П. Резанов тем не менее сохранил свой стиль, авторскую индивидуальность, собственный структурно-синтаксический рисунок текста, что делает его произведение бесценным материалом в плане изучения языковых процессов конца XVIII – начала XIX веков. В. В. Виноградов весьма справедливо отмечал: «Для истории русского литературного языка, понимаемой как история последовательной смены разных языковых систем, представляющих собою внутреннее объединенное сочетание и сочленение разных стилей и жанровых разновидностей, произведения *рядовых писателей* являются во многих отношениях не менее важным, ценным и характерным материалом, чем сочинения великих мастеров художественного слова».

В заключении диссертации подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы. Библиографический список использованной литературы включает 200 наименований. Список цитируемых и упоминаемых словарей составляет 16 единиц. В приложениях представлены терминологический словарь и сводная таблица терминологических систем, которые могут быть использованы в лексикографической практике.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора.

1. Журнал путешествия двора Его Императорского Величества действительного камергера Резанова из Камчатки в Японию и обратно в 1804, 1805 годах. // Командор. Страницы жизни и деятельности двора Его Императорского Величества действительного камергера, руководителя первой русской кругосветной экспедиции Николая Петровича Резанова / Сост. Ю. П. Авдюков, Н. С. Ольхова, А. П. Сурннк. Красноярск. 1995. С. 117-238.

2. Некоторые наблюдения над порядком слов в «Журнале путешествия двора Его Императорского Величества действительного камергера Н. П. Резанова из Камчатки в Японию и обратно» и в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина. // Россия в

XVIII веке. Тезисы республиканской научной конференции. 22-23 января 1996 г. СПб. 1996. С. 85-87.

3. К истории порядка слов: расположение прилагательного в атрибутивном словосочетании (на материале произведений Н. П. Резанова, 1803-1806 гг.) // Языковое и литературное образование в школе и в вузе. Материалы юбилейной международной научно-практической конференции. 15-16 мая 1997 г. СПб. 1997. С. 253-255.

4. Стилистическая многоплановость «Журнала путешествия» Н. П. Резанова. // Материалы XXX Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 5, 12-17 марта 2001 г. СПб. 2001 г. С. 55-60.

Подписано в печать 24.04.2001.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,4. Тираж 100 экз. Заказ № 109.

ЦОП типографии Издательства СПбГУ.
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 6.

αw